

С т ы ч к а .

Еще съ вечера наша колонна, переправившись въ бродъ черезъ маленькую рѣчку, вошла въ березовую рощу, наполовину выжженную, наполовину вырубленную. Развѣ дочные отряды нащупали непріятеля въ шести верстахъ отъ рощи, въ низинѣ, мѣстами затопленной болотами, мѣстами холмистой, поросшей верескомъ и низенькими кустами олешика.

По свѣдѣніямъ, непріятельскій отрядъ состоялъ изъ полевой артиллеріи, части пѣхоты и кавалеріи—около двухъ корпусовъ войска. Задача непріятеля была для насъ ясна; онъ долженъ былъ задержать наше движеніе впередъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ, чтобы выиграть время, необходимое для подхода ядра арміи.

Всегда хмурый, недовольный чѣмъ-то, капитанъ Михайловъ волновался, нервно сбивая хлыстомъ листья съ кустарника, нетерпѣливо подгоняя людей и покрывая:

— Живѣе, живѣе, ребята!

Люди были утомлены, но близость непріятеля влила, казалось, новыя силы въ шедшую впередъ безъ остановки усталую колонну. Шли бодро и быстро, почти бѣжали, позвякивая снаряженіемъ, перекидываясь отрывистыми замѣчаніями.

Тамъ, впереди, синѣлъ холмъ, который нужно было занять во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, прежде, чѣмъ его займутъ нѣмцы, рисковавшіе завязнуть въ болотистой мшавѣ.

Темная змѣя колонны, утопая въ липкой тьмѣ, почти неслышно ползла къ холму. Въ этомъ молчаливомъ, нѣмомъ движеніи десятковъ тысячъ людей было что-то таинственно-грозное, неудержимое, непреклонное, словно человѣкъ съ человѣкомъ былъ спаянъ невидимой силой, и были это уже не отдѣльные люди, каждый со своими мыслями и тревогами, а одно тысячеголовое, тысяченое существо, растянувшее свой чудовищный хребетъ на двадцать слишкомъ верстъ.

Маленькій, сѣренькій капитанъ Михайловъ, скорѣе похожій на акцизнаго чиновника, чѣмъ на офицера, капитанъ Михайловъ, у котораго было девять человѣкъ дѣтей, всегда болѣвшихъ то коклюшомъ, то скарлатиной, вѣчно одалживавшій у товарищей деньги и жаловавшийся на свои маленькія, обыденныя нужды, плелся впереди, понурая голову, точно такъ же, какъ у себя въ Шавляхъ, на большой сѣнной площади, гдѣ происходили ученія солдатъ. Словно это было не въ Пруссіи и не наканунѣ большого боя, а въ зохолустномъ городкѣ, между сквернымъ обѣдомъ изъ клуба иужиномъ въ сырой и холодной квартирѣ, въ чаду, среди шума и писка многочисленнаго михайловскаго потомства.

И такимъ же ржавымъ, безразличнымъ голосомъ, какъ всегда, какъ двадцать три года сряду, Михайловъ окликнулъ фельдфебеля:

— Горсточкинъ!

Старикъ-фельдфебель вынырнулъ изъ темноты.

— Есть!

— Что же, ты, старина, людей не поторапливаешь? Ляпъ-тяпъ-тяпъ-ляпъ. Этакъ немудрено прозѣвать.

— Такъ что народъ притомился, ваше в—дѣ.

— Нѣжности! Въ хвостѣ плетемся, отстанемъ. Ну-ка, поторопи, старикъ.

Гдѣ-то высоко на небѣ пробѣжала полоса бѣлаго свѣта. Словно нащупывающая рука, она побѣжала по дорогѣ, шаря въ кустахъ и въ травѣ. Пробѣжала мимо, не освѣтивъ нашей колонны.

— Ищеть,—сказалъ фельдфебель про себя.

— По шассу ищеть,—подтвердилъ прапорщикъ Моховъ.—Ему невдомекъ, что мы по болоту премъ. Нѣмецъ все наровить по шассу идти: штука тонкая, ровно барышня. Ножки промочить,—каплетъ, бацилла разная у него отъ сырости въ печенкѣ заводится. Да! А намъ ништо,—выдержимъ!

Далеко за холмомъ ухнулъ ударъ. Яркій комъ пролетѣлъ надъ нашими головами и шлепнулся въ болото, оставленное назади.

— Перелетъ,—спокойно замѣтилъ фельдфебель и перекрестился.

Еще раскатъ. Снарядъ, шипя и разбрызгивая пламенные лучи во всѣ стороны, не долетѣвъ, упалъ впереди колонны.

— Бѣгомъ маршъ!

Непріятель нащупалъ прицѣлъ. Нѣсколько снарядовъ упало въ гущу людей. Кто-то застоналъ, крикнулъ кто-то захлебывающимся голосомъ:

— Ребята!

Загудѣли зарядные ящики пролетавшей мимо насъ полевой артиллеріи, мчавшейся на холмъ, еще не занятой непріятелемъ, и черезъ нѣсколько минутъ свистъ, трескъ и гулъ наполнили уже розовѣвшую утренней зарею ширь.

Какъ-то неожиданно легко и быстро оказалась колонна на каменной спинѣ холма. Еще мгновенье, и лучи взошедшаго солнца озарили непріятельскую цѣпь,

играя золотомъ на каскахъ. Она была близка, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и ясно видны были обвѣтренныя, сѣрыя лица нѣмцевъ.

— Въ штыки!

Надо было непременно опрокинуть головной отрядъ непріятеля, и люди знали это. Маленькій капитанъ, такой же будничный, какъ наканунѣ, въ помятой фуражкѣ, побѣждалъ, мелко-мелко семеня ногами и махая шашкой, и пропалъ куда-то. И гдѣ-то въ сторонѣ замеръ его ржавый голосокъ, и все покрылъ мощный ревъ, гулъ, трескъ и стоны, изъ-за которыхъ нельзя было разобрать команды.

Теперь всякій дѣйствовалъ самъ, по своей собственной инициативѣ, но въ этой кажущейся безпорядочности была стихійная согласованность. Всѣ порывались впередъ, къ рѣкѣ, къ стоявшему надъ рѣкою нѣмецкому городку, гдѣ были наши. Переферіи войска стихійно тянулись къ центру, и была въ этомъ тяготѣніи неодолимая сила.

— Держись, механикъ! — крикнулъ неуклюжій ярославецъ — солдатъ съ хитрыми раскосыми глазами гиганту-нѣмцу, прикалывая его штыкомъ.

Онъ сдѣлалъ это какъ-бы мимоходомъ, ухнувъ точно такъ же, какъ дровосѣкъ, который колетъ полѣно топоромъ.

— У-ухъ!

И побѣждалъ дальше. И опять ухнулъ, снова прокололъ кого-то, а потомъ сгребъ въ охапку тонкаго нѣмецкаго поручика, стиснулъ его въ своихъ медвѣжьихъ объятыхъ, такъ что затрещало что то въ рукахъ у ярославца, который, осмотрѣвшись, выбралъ мѣсто по-свободнѣе, бросилъ поручика о земь и съ сожалѣніемъ сказалъ:

— Эка, дѣвченка какая!

Вдругъ неожиданно слабы стали удары нѣмцевъ,

словно устала рука непріятеля, и одна за другой умолкли полевые батареи, палившія справа, подбитыя нашей артиллеріей.

Капитанъ Михайловъ лежалъ подъ сосною. Рука его странно какъ-то подвернулась подъ спину, а блѣдныя губы шептали что-то.

Надъ нимъ нагнулся фельдфебель.

— Варенькѣ отъ глистовъ мятныхъ лепешекъ,—сказалъ капитанъ и судорожно вытянулся, сжимая въ лѣвой рукѣ древко съ расшитымъ полотнищемъ—непріятельское знамя.

Фельдфебель постоялъ надъ капитаномъ съ минуту, дернулъ сѣрый усъ, крикнулъ и отвернулся.

— Сердяга!—сказалъ унтеръ Махаевъ.

— Что?—вздрогнулъ фельдфебель.—Ма-ал-чать! Не смѣть! Не бабиться!

И топнулъ ногою.

А у самого слеза повисла на рѣсницѣ, скатилась по щекѣ и оросила сѣдой усъ.

— Молчать!—повторилъ онъ.—Возьмите знамя.

И вынувъ изъ кармана кисеть, скрутилъ „собачью ножку“ и закурилъ.

Паровозъ „Б. 47“.

Въ двадцать лѣтъ службы на желѣзной дорогѣ Иванъ Петровичъ до того изучилъ свой участокъ, что могъ вести поѣздъ, закрывъ глаза. Онъ прекрасно зналъ профиль дороги, каждую выемку, каждый мостикъ, зналъ капризы и причуды своего стараго паровоза „Б. 47“, къ которому привыкъ, какъ къ живому существу, и любилъ его. Товарищи Ивана Петровича, ѣздившіе по другимъ участкамъ и линіямъ съ новенькими паровозами послѣднихъ системъ, называли машину Ивана Петровича старой клячей, но къ этой „клячѣ“, которая дребезжала, стонала и хрипѣла, взбираясь на откосы дороги, Иванъ Петровичъ привыкъ, и если бы ему предложили ѣздить на такой „цацкѣ“, на которой ѣздили хотя бы Сергѣевъ, онъ, право, отказался бы отъ службы.

Когда Иванъ Петровичъ былъ еще молодымъ помощникомъ машиниста, паровозъ „Б. 47“ былъ также молодъ и блестялъ на славу своими никкелированными и мѣдными частями. Вмѣстѣ со своимъ паровозомъ старѣлся Иванъ Петровичъ, всѣ событія въ его жизни, всѣ радости и печали были связаны съ этой машиной. На второмъ году службы, когда на его паровозѣ испортился золотникъ и его пришлось два дня ремонтировать, Иванъ Петровичъ женился на Аннѣ Конд-

ратьевнѣ; черезъ годъ, когда едва не произошло крушеніе изъ-за того, что стрѣлочникъ № 5 невѣрно переловилъ стрѣлку, родился Мишутка; спустя два года послѣ этого событія Иванъ Петровичъ купилъ хуторокъ на третьей верстѣ поѣздного пути къ полустанку Красноставъ.

Это былъ прекрасный хуторокъ съ рощицей, съ огородомъ и тремя десятинами пахотной земли. Лѣтомъ домикъ Ивана Петровича надѣвалъ зеленый уборъ изъ гирляндъ дикаго винограда, сверкала рѣчка сквозь просвѣты березовой рощи, и, когда машинистъ подъѣзжалъ къ семафору, его встрѣчали жена и сынъ, которые издали узнавали его паровозъ по ярко-желтому знаку „В. 47“.

Въ послѣдніе два года колеса паровоза часто буксовали, парораспределитель капризничалъ, и Ивану Петровичу приходилось подолгу возиться со своей машиной. Къ хрипѣнію и гудѣнію прибавился новый звукъ, стонущій и протяжный, къ которому Иванъ Петровичъ никакъ не могъ привыкнуть.

— Старики мы съ тобою, братъ! Пора намъ на покой!—качая головою, говорилъ онъ, но потомъ встряхивалъ своими когда-то черными, какъ смоль, а теперь серебряными кудрями:—э, да ничего! Треснутый горшокъ два вѣка живетъ. Мы еще поѣздимъ, старина!

* * *

Въ звѣздную іюльскую ночь Иванъ Петровичъ везъ партію быковъ къ границѣ. На станціяхъ и полустанкахъ поѣздъ стоялъ подолгу, и старикъ-купецъ Василій Яковлевичъ Пѣтуховъ, которому принадлежала эта партія, и котораго Иванъ Петровичъ зналъ много лѣтъ, выходилъ изъ себя. Онъ убѣждалъ Ивана Петровича сократить стоянки или, по крайней мѣрѣ, ускорить

ходъ, соваль ему деньги и раза два даже поилъ его водкой.

— Вѣдь подохнуть быки, подохнуть, душа моя. Припустите, голуба, ходу!

Иванъ Петровичъ пилъ съ купцомъ водку, крикалъ, но больше восемнадцати верстъ въ часъ не дѣлалъ.

— Помилуйте, Василь Яковличъ, машина вѣдь у меня одна? А быкамъ, право слово, ничего не сдѣляется.

На станціи Отрадная поѣздъ Ивана Петровича перевели на запасный путь. Пѣтуховъ бѣгалъ къ начальнику, къ старшему телеграфисту, даже къ кассиру и вѣсовщику, но тѣ только пожимали плечами и отвѣчали, что до полученія особаго распоряженія они не могутъ пустить шестой номеръ, который везъ быковъ Пѣтухова.

Иванъ Петровичъ завалился спать, а Пѣтуховъ съ горя ушелъ въ поселокъ пить водку.

Около полуночи мимо станціи, не останавливаясь, промчался поѣздъ съ притушенными огнями. Въ аппаратной быстро заработалъ телеграфъ, начальникъ станціи метался изъ дежурной въ аппаратную и обратно, нося куда-то красные бланки, а его чахоточная жена, уложивъ вещи, вышла на перронъ со своими двумя заспанными дѣвочками и вглядывалась въ розовѣющую даль, не идетъ ли поѣздъ.

Иванъ Петровичъ проснулся. Онъ замѣтилъ тревогу на станціи, видѣлъ, какъ промчались другъ за другомъ четыре паровоза. На одномъ изъ нихъ, „А. 8071“, вмѣсто знакомаго машиниста Андрея Андреевича былъ кто-то въ военной формѣ.

Когда Иванъ Петровичъ вышелъ на перронъ, то увидѣлъ, что небо на западѣ залито кровавымъ заревомъ; горѣло далеко, но запахъ гари доносился утреннимъ вѣтромъ сюда, и слышно было, какъ что-то

странно и часто ухасть, словно дровосѣки рубятъ въ лѣсу деревья.

— Гдѣ горить? Что это?—обратился Иванъ Петровичъ къ женѣ начальника.

Та махнула рукою, сморщилась и заплакала. Глядя на мать, заплакали и обѣ дѣвочки.

Иванъ Петровичъ не успѣлъ разобраться, въ чемъ дѣло.

Тревога нарастала. Пролетѣлъ еще одинъ поѣздъ, безъ пассажировъ и кондукторовъ, съ однимъ машинистомъ на паровозѣ. Въ поселкѣ загудѣлъ набатъ. Сильнѣе и слышнѣе рубили дровосѣки на западѣ, за синимъ холмомъ, и, почуявъ тревогу, заметались и заревѣли быки Пѣтухова въ вагонахъ.

Къ растерявшемуся и ничего не понимавшему во всей этой кутерьмѣ Ивану Петровичу быстро подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Отцѣпите паровозъ, поѣзжайте на станцію Кресно. Нужно забрать подвижной составъ. Живо! Помощника оставьте здѣсь.

— Какъ же я одинъ заберу составъ? Въ чемъ дѣло?

— Составъ готовъ. Надо только прицѣпить паровозъ.

— Но въ чемъ дѣло?

У начальника сморщилось лицо, такъ же, какъ давеча у его жены. Онъ стиснулъ губы и глухо сказалъ:

— Нѣмцы!

Изъ одного этого слова Иванъ Петровичъ ничего не могъ вывести. У него было много знакомыхъ нѣмцевъ; начальникъ службы движенія, Францъ Францевичъ Гольбахъ, тоже былъ нѣмцемъ, но изъ этого никогда ничего дурного не выходило.

— Нѣмцы?— съ недоумѣніемъ повторялъ онъ, разводя пары,—Нѣмцы? Ничего не понимаю.

Онъ поднялся на откосъ, миновалъ будку дорожнаго мастера.

Съ полей несся свѣжій ароматъ травъ и, какъ всегда по утрамъ, пѣлъ гдѣ то въ вышинѣ жаворонокъ, купаясь въ золотыхъ лучахъ восходящаго солнца.

— Нѣмцы?—еще разъ повторилъ Иванъ Петровичъ и представилъ себѣ Франца Францевича, круглаго бритаго старика съ трубкой въ зубахъ.—Что они сдѣлали, эти нѣмцы?

Далеко грохнуло что-то, треснуло, заохало, словно случилось крушеніе поѣзда: полетѣлъ паровозъ подѣ откосъ и, наползая другъ на друга, сбились вагоны, исковерканные толчкомъ, разбитые въ щепы.

Теперь Иванъ Петровичъ понялъ, что случилось какое то несчастье, въ которомъ виноваты нѣмцы,—можетъ быть, Францъ Францевичъ. Не даромъ старикъ слылъ чудакомъ и про него говорили, что онъ не со-всѣмъ въ своемъ умѣ. Надо было спѣшить, а тутъ какъ на зло, паровозъ на шестой верстѣ закапризничалъ. Онъ стоналъ и вздрагивалъ всѣмъ стоимъ старымъ остовомъ, но ни за что не хотѣлъ взять подъемъ.

— Но, старина но-о—покрикивалъ Иванъ Петровичъ, словно паровозъ могъ его слышать.— Не шали, братъ, не время.

Онъ застопорилъ машину, слѣзъ и осмотрѣлъ ее. Потомъ смазалъ масломъ крейцкопфы и цилиндры и подбросилъ угля.

Паровозъ дрогнулъ и пошелъ.

— То-то, братъ! Жрать захотѣлъ?

На станціи Кресно не было, казалось, ни души: Иванъ Петровичъ заглянулъ въ телеграфное отдѣленіе и отшатнулся. Два новенькихъ аппарата были разбиты вдребезги, на полу валялись изорванные бумажныя ленты, бланки, какія-то бумаги, шкафы были раскрыты. Въ

дежурной, на столѣ, лежала красная фуражка начальника станціи, но его самого нигдѣ не было.

Только въ залѣ третьяго класса Иванъ Петровичъ увидѣлъ живое существо. Это былъ станціонный сторожъ Никита, глухой старикъ. Онъ забился въ уголъ, за скамейками, и глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ на Ивана Петровича.

Тотъ тронулъ его за плечо. Никита свалился на бокъ. Въ затылкѣ у него зіяла рана. Онъ былъ мертвъ.

„Нѣмцы“—съ недоумѣніемъ и ужасомъ подумалъ Иванъ Петровичъ и бросился изъ станціоннаго зданія.

Шесть новенькихъ желтыхъ товарныхъ вагоновъ стояли на боковомъ пути. Чтобы прицепить паровозъ къ нимъ, нужно было долго маневрировать, переходя съ линіи на линію и всякій разъ останавливаясь, чтобы самому перевести стрѣлку.

Оттого, что Никита былъ кѣмъ-то убитъ, что станція странно опустѣла, отъ видѣннаго хаоса и разгрома въ аппаратной и отъ непрерывнаго громаханья, которое слышалось уже совсѣмъ близко, у Ивана Петровича дрожали руки, ходуномъ ходило сердце въ груди и захватывало дыханіе. Дѣло не спорилось, и онъ провозился около часа, пока перевелъ паровозъ на запасный путь. Теперь надо было перевести весь составъ на главный путь и тогда можно было уже тронуться въ дорогу.

Хотя вагоны были пусты, но старый паровозъ, шалившій еще въ дорогѣ, забуксовалъ. Колеса съ шипѣніемъ и визгомъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ, тяга не преодолевала тренія, и дѣло было совсѣмъ плохо.

Изъ-за віадукъ, сверкая штыками, показалась синяя колонна пѣхоты. Она шла, извиваясь какъ змѣя, по проселку, остановилась на нѣсколько минутъ у шлагбаума и, перейдя полотно, направилась къ станціонному зданію. Иванъ Петровичъ, занятый возней у па-

ровоза, ничего не видѣлъ и только тогда, когда кто-то окликнулъ его на непонятномъ языкѣ, поднялъ глаза и застылъ на мѣстѣ.

Предъ нимъ стоялъ бѣлобрысый, худой и высокій офицеръ въ зеленыхъ рейтузахъ и странной, угловатой какой-то кепкѣ и, размахивая руками передъ самымъ его лицомъ, говорилъ что-то длинно и визгливо.

Только одно русское слово сказалъ офицеръ, и это слово понялъ Иванъ Петровичъ:

— Вези!

Теперь ему стало ясно все, что онъ видѣлъ: тревога въ Отрадной, мчавшіеся паровозы съ притушенными огнями, разгромъ въ аппаратной и смерть сторожа.

Онъ вспомнилъ почему-то вдругъ о своемъ хutorѣ, о Мишуткѣ, объ огненныхъ головкахъ подсолнечника въ своемъ палисадникѣ и о старой гитарѣ, на которой во время отдыха между поѣздками любилъ тихо наигрывать грустное „Ой тамъ за горою“. Вспомнилъ онъ и о купцѣ Пѣтуховѣ, о его быкахъ, о такихъ мелочахъ, о которыхъ теперь было совершенно не кстати вспоминать, и, обратившись къ своему старому паровозу, тихо сказалъ:

— Ну, что-жъ старина, надо умирать!

Синіе солдаты въ такихъ же странныхъ шапкахъ, какъ у ихъ офицера, со смѣхомъ и шумомъ наполняли вагоны, а офицеръ твердить упорно, какъ дятель, одно и то же слово:

— Вези, вези!

Одинъ солдатъ, очевидно добродушный малый, сѣлъ на тендерѣ и подмигнулъ Ивану Петровичу: полѣзай, дескать. Иванъ Петровичъ быстро смекнулъ что-то въ умѣ и сталъ на свое мѣсто, на которомъ стоялъ двадцать лѣтъ, на которомъ состарился и посѣдѣлъ.

Офицеръ одобрительно кивнулъ головой и направился къ вагону, повторивъ по дорогѣ:

Вези!

* * *

Иванъ Петровичъ подбросилъ уголь въ топку и посмотрѣлъ на манометръ. Паровозъ, словно понявъ, что онъ задумалъ, рѣзко рванулся впередъ и застоналъ. Черезъ нѣсколько минутъ все будетъ кончено: въ шести верстахъ отъ Кресно запасный путь заканчивается тупикомъ, тамъ обрывъ, крутой и страшный. Надо только развить наибольшую скорость хода и тогда...

Въ этомъ году пышно зацвѣлъ макъ на хуторкѣ Ивана Петровича, въ саду завелись скворцы, которые такъ хорошо пѣли по утрамъ. Въ обрывѣ, у тупика, течетъ по камнямъ бурливая рѣчка. Однажды лѣтомъ, купаясь, Иванъ Петровичъ чуть не утонулъ, втянутый водоворотомъ въ яму.

Паровозъ трещить и гудить, скрипятъ старыя оси, сталкиваясь, гремятъ буфера и цѣпи, а манометръ показываетъ высшій предѣлъ давленія: сейчасъ разлетится вдребезги котель.

Вѣтеръ свиститъ въ ухахъ. Сзади, въ вагонахъ, горланятъ солдаты, поютъ развеселую пѣсню, въ которой часто повторяются слова:

— Nach Warschau, nach Warschau!

„Въ Варшаву? Руки коротки!“—подумалъ Иванъ Петровичъ и усмѣхнулся.

Въ сердцѣ у него заняло.

— Старый товарищъ,—тихо сказалъ онъ, оглядывая свой паровозъ.—Умирать будемъ,—и заплакалъ

Еще нѣсколько секундъ, и все это горланящее живое мясо превратится въ безобразную кровавую грудю. Вотъ поворотъ, вотъ бѣлый камень у дороги, а вотъ и первый извивъ рѣченки. Дорога идетъ по спуску, теперь надо удвоить ходъ.

Иванъ Петровичъ повернулъ ручку. Стрѣлка прыгъ

нула еще на нѣсколько дѣленій впередъ. Въ котлѣ подозрительно загудѣло. Иванъ Петровичъ подбросилъ въ топку угля, закрылъ глаза и, прижавшись къ цилиндру, прошепталъ:

— Прощай, старина!

— Р-р-р,—ворчливо отвѣтилъ ему паровозъ.

— Прощай, прощай, прощай!—звенѣли болты, буфера и цѣпи.

У самого тупика Иванъ Петровичъ далъ послѣдній свистокъ. Сжатый паръ, вырвавшись, тоскливо заплакалъ. Паровозъ ударился на всемъ ходу о перекладину.

— Nach Warschau!—донеслось изъ заднихъ рядовъ

— А-а-ай!—леденящомъ душу крикомъ отвѣтили передніе.

Паровозъ, разбивъ перекладину въ щепы, полетѣлъ въ обрывъ. И грохотъ и лязгъ, и замирающіе стоны, и проклятья слились въ короткій вой.

Груда щепокъ, колесъ, желѣзныхъ осей и исковерканныхъ телѣжекъ лежала подъ откосомъ. И омытый пѣнящейся волною, желтѣлъ среди обломковъ номеръ паровоза „Б. 47“.

Р а з в ѣ д к а.

Стояли мы въ то время въ Галиціи, у мѣстечка М. Погода на рѣдкость была хорошая, ночи короткія, бы- стролетныя, свѣтлыя, даромъ что августъ мѣсяцъ былъ на исходѣ уже. Не успѣетъ заря угаснуть, какъ новая на востокъ алѣется. А по ночамъ на небѣ звѣздъ, братцы мои, сколько звѣздъ! Ровно макъ золотой на синемъ полѣ разсыпали.

Хорошо было бы этакъ, да скучища собачья. Мѣсто ужъ было такое проклятое! Пришли мы въ мѣстечко— ни души. Дома стоятъ растворенные, и лавченки и все, а жителей—ни собаки: по лѣсамъ разбѣжались, спря- тались. Потомъ начали они по одиночкѣ выползать изъ норъ своихъ. Придутъ, увидятъ, что стоятъ себѣ сол- датики, ничего не трогаютъ, стоятъ тихо, благородно, ну, и назадъ къ своимъ. А къ вечеру, смотришь, уже двое пришли, а тамъ больше, больше, и опять вско- рости населились дома, лавченки открылись, торгуютъ. Стало какъ будто полегче: все же народъ живой кру- гомъ, а не мертвцы, пустые дома. Однако, все какъ-то не по себѣ: мимо стоянки нашей, по шоссе, идетъ войско: сначала пѣхота, артиллерія, а тамъ казаки про- ѣхали. Идутъ съ пѣснями, весело въ дѣло идутъ, а мы на мѣстѣ стоимъ да чаями пробавляемся — досадно! Поручикъ Васильковъ—мы его больше Оленькой звали:

молоденькій, зеленый, совсѣмъ дѣвченка, и краснѣть, какъ дѣвица, и губки малиновыя—поручикъ мой сталъ даже по ночамъ пропадать, паненку приглядѣлъ себѣ, сидитъ съ ней подъ яблоней надъ озеромъ и шепчется по ихнему, по-польски: „пше“ да „кше“.

— Гдѣ же вы, сударь мой, ночевали?—спрашиваю. А онъ молчитъ да краснѣть.

Словомъ, совсѣмъ вродѣ какъ бы въ лагеряхъ стоимъ. А тамъ бой идетъ, кровь льется, умираютъ. Ну, скажите, не гнусно развѣ въ такое время стоять на мѣстѣ да въ шестьдесятъ шесть съ Николаемъ Андреичемъ, съ ротнымъ, рѣзаться?

Однако, Богъ помогъ: получаю отъ командира приказъ:

— Такъ и такъ, Сергѣй Петровичъ, возьмите вы, сударь, людей да пошарьте въ лѣсу по ту сторону озера. Тамъ, говорятъ, непріятельскіе развѣзды показались.

Развѣдка, значить. И то ладно.

Собралъ я на закатѣ людей, вижу, идетъ Оленька. Самъ не свой парень, губы малиновыя дрожатъ, въ глазахъ слезы.

— Что же, — спрашиваетъ, — меня вы съ собою не возьмете?

— Куда вамъ, Оленька,—отвѣчаю.—Молоды вы еще, успѣете. Это дѣло опасное, серьезное. Ни за что пропадешь.

— Нѣтъ, ужъ вы какъ тамъ себѣ хотите, а взять меня должны. Милый, дорогой, Сергѣй Петровичъ, не откажите. Не забуду я васъ,—говорить.

А самъ-то дрожить, самъ-то чуть не плачетъ.

— Ну, ладно, — говорю, — попрощайтесь съ вашей Юзей и айда!

Я человекъ старый, волкъ матерой, нѣтъ у меня ни дѣтей, ни жены, ни кола, ни двора. Одинокій чело-

вѣкъ. Трубку свою люблю, кашу родную обожаю, къ солдату слабость имѣю, коли молодецъ шагаетъ, да стрѣльбу знаетъ—и больше никого и ничего.

Что же касается Оленьки, то этотъ—особая статья. Какъ такую дѣвчонку, милягу такого, не любить? Нѣжный онъ та ой, фарфоровый, тонкій, на взбитыхъ сливочкахъ выросъ—развѣ можно такого не жалѣть? Пропадетъ ребенокъ, ежели не такъ что-нибудь, а особенно среди насъ, армейскихъ: такой ужъ мы народъ, суровый народъ—дратвой шиты.

Четверти часа не прошло — прибѣжалъ Оленька, Сіяеть.

— Справился?

— Справился,—говорить.

— Ну, ладно, съ Богомъ!

Ночь случилась темная, дождливая. Злющій вѣтеръ воетъ, кусается, словно собака съ цѣпи сорвалась. Пять верстъ по колѣно въ болотѣ отмахали, промокли, продрогли.

— Вамъ не холодно, поручикъ?—спрашиваю.

Этакъ нарочно оффиціальнымъ тономъ спросилъ, чтобы не вообразилъ, что я съ нимъ нянчиться стану.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, хорошо мнѣ.

Восторженный у парня видъ, и голосъ звенить. Чувствую въ голосъ его гордость, что вотъ, дескать, Богъ послалъ настоящее дѣло. А лицо его, вижу, поблѣднѣло: екаетъ все-таки, должно быть, у парня сердце, да стыдно самому себя признать. Дѣло знакомое — не проведешь. Самъ въ двухъ кампаніяхъ былъ, не однажды подъ пулями, въ мысляхъ, молился: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“. Съ непривычки необстрѣлянному страшно.

Вошли мы въ лѣсъ. Темно — ни зги. Вокругъ ели лапчатые стоятъ. Березки во тьмѣ шепчутся, шуршить

что-то. Можетъ быть, дождикъ, а, можетъ быть, Богъ знаетъ что. И вдругъ—трахъ! Треснуло что-то.

— Лечь!

Прилегли въ кустахъ, не шевелимся. Этакъ съ-пол-часа лежали, слушали: тихо. Только на ноги — опять трескъ по лѣсу пошелъ, да какой! Ровно десятокъ медвѣдей напроломъ лѣзутъ, по валежнику, косолапые, пруть.

Шепнулъ ефрейторъ людямъ:

— Не курить! Гасите!

Петрюковъ—хорошій солдатъ, исполнительный—выругался даже:

— Ховается, чертяка, ѣшь его мухи. Ну-ка, вылазь!

Поползли на животахъ по сырой травѣ. Чуть слышно оружіе звякало, задѣвая камни, да пыхтѣлъ толстый ефрейторъ.

— Ребенка рожаетъ, что ли? — спрашиваю. — Чего сопишь, словно самоваръ тульскій?

Затихъ.

Доползли мы до оврага. Свѣтлѣе стало. Деревья разступились въ этомъ мѣстѣ, и небо немного очистилось.

Вижу, унтеръ Хвостовъ ко мнѣ ползетъ.

— Что? Въ чемъ дѣло?

— Онъ храпитъ.

— Кто—онъ? Говори толкомъ.

— Онъ, австріякъ—то-есть.

— А ты по чемъ знаешь, что онъ храпитъ?

— Слышно, ваше в—діе.

Вслушался я. Сначала ничего не почуваль, а потомъ, дѣйствительно, совсѣмъ близко, справа, слышу шорохъ этакій, какъ будто бумагой шелеститъ.

— Петрюковъ! Осторожно полѣзай впередъ, узнай, кто тамъ и сколько ихъ.

— Слушаю!

Потонулъ въ темнотѣ Петрюковъ. Нѣту его.

Ждемъ четверть часа и больше. Петрюкова нѣтъ.

А время, какъ на зло, едва ползеть.

Ну, думаю, пропалъ солдатъ. Даже выругался я: жалко человѣка.

— Эка разиня какая! Баба, а не солдатъ.

— Вдругъ вижу — фигура. Вскочилъ я отъ неожиданности.

— Кто?

— Я, ваше в—дѣ.

— Тьфу! Ну, что?

— Спать, ваше в—дѣ. Почиваютъ.

— Сколько ихъ—узналъ?

— Точно такъ. Человѣкъ тридцать да три лошади.

— Часовые разставлены?

— Одинъ. Гы!—смѣется.

— Чего смѣешься?

— Смѣшно, ваше в—дѣ. Часовой ихній, растяпа-парень.

— Именно?

— Я подлѣ его проползъ, а онъ ничего не слыхалъ, звѣзды считалъ.

— Какъ это звѣзды считалъ?

— На небо смотреть и сопить. Они, нѣмцы, всѣ, какъ есть, звѣздочеты.

— Сергѣй Петровичъ, дорогой,—зашепталъ Оленька.—А что, если бы намъ ахнуть на нихъ? А?

Весь прожить Оленька и жаромъ отъ него пышетъ. Охъ, молодость, молодость!

Подумалъ я, взвѣсилъ обстоятельства:—отчего бы не ахнуть?

— Вотъ что, — сказалъ я своимъ людямъ, — насъ, братцы, восемнадцать человѣкъ, а ихъ штукъ тридцать будетъ. Ну-ка, впередъ. Но чуръ—не стрѣлять, не шу-

мѣть. Бери штыкомъ, лупи прикладомъ, хватай живьемъ. Да часового напередъ снять безъ шума.

И что это случилось, братцы мои! Вѣтеръ ли подхватилъ насъ, волна ли взметнулась и насъ бросила на врага, вдвое сильнѣйшаго. Часовой не пикнулъ, такъ и сѣлъ на бугорокъ, ружья изъ рукъ не выпущая, проколотый штыкомъ. Растерялись, заметались австріяки. Ружья въ пирамидахъ возлѣ стоятъ, а они не знаютъ, гдѣ что. По лѣсу мечутся, кричатъ:

— Die Russen! Die Russen!

Ефрейторъ, вижу, лупить по башкѣ прикладомъ здороваго дѣтину, сопить и бранится:

— То-то, чертъ плѣшивый! Будешь ты помнить кузькину мать!

Десяти минутъ не прошло, какъ все было кончено. Двѣнадцать человѣкъ австрійцевъ было убито, восемь взято въ плѣнъ, остальные бѣжали въ лѣсъ чуть-ли не въ однихъ, простите, подштанникахъ.

Ищу глазами Оленьку. Нѣтъ его нигдѣ.

— Гдѣ поручикъ?

Показываютъ:

— Вотъ.

Лежитъ Оленька подъ сосною, дрожить мелкой дрожью. Заколотъ его, мальчика, проклятый австріецъ.

Я наклонился надъ нимъ.

— Умираю, — шепчетъ. — Вотъ, здѣсь, въ боковомъ карманѣ... Разстегните... Засушенная роза... Отъ Юзи. Пошлите ей... Дай вамъ Богъ... дай Богъ бить врага.

Вытянулся Оленька, вздрогнулъ и замеръ.

Сняли мы фуражки. А мнѣ къ сердцу подступило. Сжалъ я крѣпко кулаки, погрозилъ я темному западу:

— Ну, ужъ погоди, нѣмчура! Эхъ!

Мертвецы имперіи.

Уже стоялъ снѣгъ на холмахъ. Въ донесеніяхъ изъ штаба, напечатанныхъ исключительно для императора на прекрасной глянцевитой бумагѣ, сообщали, что въ Вогезахъ разлились рѣки и ручьи и затопили траншеи; что приходится вести бои по поясъ въ водѣ; что знаменитые „42“, недавно громившія Нанси, увязаютъ въ грязи.

Хотя сообщенія были изложены осторожно и мягко, въ томъ тонѣ, въ которомъ съ императоромъ всегда говорили министры и генералы, но онъ зналъ, онъ прекрасно зналъ, что это значить. Онъ ждалъ весны; онъ ободрялъ народъ, выражавшій нетерпѣніе, что такъ долго тянется кампанія, что такъ много пало жертвъ, что такъ дорога стала жизнь, — онъ ободрялъ его и просилъ подождать до весны. Онъ обѣщалъ ему къ Пасхѣ подарокъ — Францію или, по крайней мѣрѣ, берега Марны, на которыхъ уже однажды были его войска. А теперь вотъ эти донесенія, кричащія своимъ изящнымъ шрифтомъ объ ужасѣ, о гибели всѣхъ его надеждъ!

Въ деревушкѣ, въ которой находилась императорская ставка, гудѣлъ колоколь. Густые звуки врывались въ кабинетъ императора:

— Донъ-донъ-донъ!

— Колоколь звалъ народъ къ молитвѣ, а императора душилъ его настойчивый зовъ, какъ кошмаръ.

Да, да, имперія гибнетъ. Надо имѣть мужество, надо сознаться самому себѣ, если другимъ этого сказать нельзя еще, что созданная упорнымъ трудомъ полустолѣтія, спаянная кровью и желѣзомъ, она, которой онъ отдалъ цѣлую жизнь, рушится, разлетается въ прахъ. Это конецъ.

Императоръ не говорилъ этого своимъ старымъ генераламъ, собравшимся въ душной, бревенчатой комнатѣ на военный совѣтъ, но чувствовалъ, что и они чего-то не договариваютъ. Онъ спокойно и сухо высказалъ свое мнѣніе: нужно наступать по всему фронту. Голосъ его былъ твердъ и звучалъ, какъ металлъ, а на глазахъ стояли слезы и сердце сжималось отъ тоскливой боли. Несмотря на это, онъ сталъ въ привычную позу: высоко поднялъ голову, заложилъ за обшлагъ сюртука правую больную руку и, сдѣлавъ широкій жестъ лѣвой рукой, обтянутой въ перчатку, точно бросилъ ею всѣ свои войска, всю гордость, всю силу имперіи на западъ на траншеи непріятеля и крикнулъ:

— Наступать или... или...

Онъ выдержалъ долгую паузу, во время которой генералы затаили дыханіе, и рѣзко закончилъ:

— Или умереть.

Старый грузный генераль, сидѣвшій противъ императора, странно крикнулъ и съ тоской посмотрѣлъ ему въ глаза. Подъ нависшими сѣдыми бровями генерала блестѣлъ насмѣшливый взглядъ, который былъ понятенъ императору. Пока военный совѣтъ, разставляя на картѣ оловянные фигурки, изображавшія армію его величества, обсуждалъ планъ наступленія, глаза старика-генерала говорили, что все погибло, что наступленія не будетъ, что ни у императора, ни у генерала, ни у арміи нѣтъ больше вѣры въ побѣду.

„Хочешь или не хочешь,—говорилъ грустно-насмѣшливый взглядъ генерала—но, если нѣтъ вѣры въ вой-

скахъ, нѣтъ и побѣды, какъ бы она тебѣ нужна ни была. Я много жилъ и много видѣлъ. Я знаю, что это такъ, а не иначе“.

Подъемъ прошелъ. Теперь была усталость. Императоръ сидѣлъ, сгорбившись въ своемъ креслѣ, и казался теперь старше своихъ лѣтъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти, дочь хозяина фермы незамѣтно для взрослыхъ пробралась въ комнату, въ которой засѣдалъ военный совѣтъ, и смотрѣла восхищенными голубыми глазами на блестящее шитье генеральскихъ мундировъ. Ей очень понравился золотой эфесъ сабли императора, и она, путаясь между ногъ взрослыхъ, пробралась къ его креслу и тронула рученкой красивую игрушку, торчавшую между колѣнъ императора.

Императоръ разсѣянно посмотрѣлъ на ребенка и погладилъ его по бѣлокурой головкѣ. Дѣвочка доверчиво прижалась къ нему, а онъ безсознательно гладилъ ея шелковистые волосы и говорилъ о томъ, что не надо считаться съ потерями, что планъ наступленія требуетъ жертвъ, и если погибнетъ еще полмилліона людей, они купятъ своей смертью побѣду. Онъ говорилъ о смерти такъ, какъ говорятъ о шахматной партіи. Онъ спокойно и холодно называлъ цифры, не чувствуя, что это люди. Дѣвочка терлась щекой о шитье его мундира и слушала императора. Ей нравился его голосъ, немного расслабленный и надтреснутый, и ей было жаль, когда добрый дядя съ золотой игрушкой на боку пересталъ говорить.

Теперь императоръ задумался. Онъ думалъ объ имперіи, о томъ, что сегодня канунъ Пасхи, что сегодня столица горитъ и тонетъ въ морѣ разноцвѣтныхъ огней, что у него во дворцѣ въ эту ночь готовятся идти ко всенощной, и что завтра утромъ императрица, по старой традиціи, лично поѣдетъ въ тюрьму, чтобы раздать

заключеннымъ сласти и пасхальныя яйца. Что же онъ, императоръ, подарить дѣтямъ имперіи?

— Отчего дядя плачетъ? — тихо спросила дѣвочка. — Дядѣ больно?

Императоръ вздрогнулъ, удивленно посмотрѣлъ на ребенка, котораго раньше по разсѣянности не замѣтилъ, и, отведя его рукою отъ себя, всталъ.

За окномъ послышался топотъ лошади. Кто-то скакалъ по шоссе къ фермѣ. Его окликали часовые, и всадникъ издали кричалъ имъ пароль.

Императоръ вышелъ на крыльцо. Онъ хотѣлъ лично принять донесеніе изъ арміи.

Ординарецъ, почти мальчикъ, весь забрызганный грязью, устало слѣзъ съ лошади и, подойдя къ крыльцу, замѣтилъ императора. Онъ поблѣднѣлъ, вытянулся въ струнку и протянулъ императору пакетъ.

— Словесно. Какъ дѣла? — отрывисто бросилъ ему императоръ.

— Имѣю честь доложить вашему величеству, что наши войска у канала вынуждены были, къ сожалѣнію, отступить.

— Имѣете честь, чертъ васъ возьми! — вспыхнулъ императоръ. — А умереть вы не имѣли чести? Идите... Поѣзжайте и передайте имъ, что я, слышите! я приказалъ, чтобы они имѣли честь умереть за меня и имперію!

Это былъ эффектъ. Но это было такъ хорошо сказано, что онъ зажмурился, отъ упоенія своей красивой и сильной фразой, глаза и повторилъ:

— Да! Пусть они имѣютъ честь умереть!

Теперь императоръ чувствовалъ себя почти хорошо. Онъ прошелся нѣсколько разъ передъ крыльцомъ и посмотрѣлъ на небо.

Оно было затянуто сплошными тучами, на которыхъ трепеталъ багровый отсвѣтъ далекихъ пожаровъ. И ка-

залось оно залитымъ кровью. Только въ одномъ мѣстѣ, сквозь прорывъ въ тучахъ, горѣла одинокая, яркая, лучистая звѣзда на чистомъ, нѣжно синемъ клочкѣ неба. И оттого, что среди густо напоенныхъ кровавымъ багрянцемъ недвижныхъ тучъ блестѣла звѣзда, небо было страшно. Оно напоминало о чемъ-то. О чемъ?

Ахъ, да! Когда императоръ былъ ребенкомъ, отецъ его, тоже императоръ, подарилъ ему книжку съ золотыми застѣжками. Въ этой книжкѣ рассказывалось простыми, но проникающими въ душу словами, что кто-то Свѣтлый и Великій страдалъ на крестѣ, и что, когда Онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, наступила тьма, небо стало багровымъ, кровавымъ и весь міръ, за который Онъ терпѣлъ муку, загорѣлся зловѣщимъ кровавымъ отсвѣтомъ.

Императоръ разсѣянно шелъ впередъ. Часовые отдавали ему честь—онъ ничего не видѣлъ. Онъ шелъ, какъ лунатикъ, замороженный кровавымъ небомъ и этой лучистой звѣздой, побѣдно сіявшей въ морѣ крови.

Заморосилъ дождь. На лицо императора упало нѣсколько капель. Онъ показался ему горячими и липкими, какъ кровь. Онъ вздрогнулъ, повелъ плечами и остановился.

Онъ стоялъ подъ старымъ букомъ, на которомъ уже наливались и разбухали почки. Нѣсколько вѣтвей бука были мертвы, на нихъ не было почекъ, на нихъ не будутъ листвы, и онѣ отпадутъ и сгніютъ. Мертвое должно сгнить, а живое — наливаетъ свои почки и побѣждаетъ.

— Я мертвъ, я мертвъ,—сказалъ кто то чужой въ душѣ императора.—Жизнь воскресаетъ, а я... Сколько тысячъ человѣкъ имѣли честь умереть въ эту ночь за меня?

Подъ букомъ была скамья. Озаренная пожаромъ она

казалась высѣченной изъ алаго камня. На спинкѣ скамьи выскоблено пронзенное стрѣлой сердце и переплетающіяся, словно обнявшіяся буквы:

— Жанъ и Нинета. Мы любимъ другъ друга.

Жанъ ушелъ на войну и сражался противъ арміи его величества. Жана, можетъ быть, убили. Глупый Жанъ! Мертвое гниетъ, а живое наливаетъ почки. Все равно, все равно...

Императоръ сѣлъ на скамью. У него кружилась голова, стучало въ вискахъ, шумѣло и звенѣло въ ушахъ. Начинался обычный припадокъ: приливъ крови.

— А Нинета? Гдѣ Нинета?—неожиданно подумалъ онъ и вспомнилъ почему то бѣлокурую дѣвочку, которую давеча ласкалъ.

Не только небо, но и воздухъ былъ густо напоенъ кровью. Отъ краснаго сіянія стало больно глазамъ, и императоръ закрылъ ихъ.

Странные звуки рождались вокругъ. Конечно, это отъ прилива крови, это галлюцинація слуха.

...Трубить боевыя трубы:

— Тра-та-та!

Горнисты зовутъ полки подъ знамена. Слышно, какъ мѣрно звенятъ копыта конницы по камнямъ. Грохочутъ колеса пушекъ. Дребезжатъ зарядные ящики...

— Тра-та-а!

Дѣти имперіи идутъ мѣрными шагами. Ихъ тучи, ихъ тучи! Все, что родила и взрастила имперія, идетъ послушными рядами:

— Императоръ приказалъ умереть!

Объ этомъ ревутъ мѣдныя жерла пушекъ, звенящимъ кличемъ разноситъ по полю приказъ императора острая сталь, и тихо шепчутъ старыя знамена имперіи:

— Ти-и-ше: у-ме-реть!

Земля колеблется. Изъ могилъ встають трупы и строятся въ ряды.

Вотъ славный полкъ, погибшій подъ крѣпостными фортами. Четыре тысячи скелетовъ съ примкнутыми штыками.

Вотъ конница, павшая у канала. Бѣлыя тѣни на призрачныхъ коняхъ летять въ бой строй за строемъ.

Изъ могилы встанетъ принцъ, котораго у Нанси уложила спать шрапнель. Онъ ведетъ желѣзную гвардію—оплотъ имперіи.

— Императоръ приказалъ умереть!

Что это? Опять враги открыли свои шлюзы? Откуда несется этотъ ревъ прибоя?

Изъ язвъ земли, изъ открывшихся могилъ сочится кровь. Отовсюду бѣгутъ кровавыя ручьи: съ востока, съ запада, съ юга, съ сѣвера. Они стекаются въ рѣки, сливаются въ море, и выше, и выше кровавыя волны. Полміра, полміра залили онѣ, а надъ ними несутся мертвецы имперіи, призрачные полки, батальоны, роты, возставшіе изъ гробовъ въ эту ночь Воскресенія.

И стонетъ и плачетъ старая земля, каждая ея песчинка рыдаетъ, и слышны проклятія и скрежетъ, стоны и дикій вой въ эту ночь Воскресенія.

Со шпагами въ рукахъ несутся въ эту ночь передъ рядами мертвецовъ ожившіе генералы и зовутъ въ бой, еще разъ въ бой:

— Умереть приказалъ императоръ!

Четко вырѣзывается на багровомъ небѣ тонкое кружево башенъ и колоколенъ. Неужели воскресъ древній Реймсъ? Да, это онъ, сѣдой свидѣтель былыхъ побѣдъ. И Лувенъ воскресъ, и суровый Брюгге ожилъ. Призраки — люди, призраки — города, призрачный громъ боя... Не самъ-ли онъ, императоръ, призракъ, залившій морями крови полміра, посѣявшій смерть въ чрево земли?

Плачетъ кто-то. Это матери плачутъ:

— Мы родили имперіи дѣтей. Гдѣ наши дѣти?

Это земля плачетъ:

— Кто расчешетъ мою грудь бороною? Кто надѣнетъ на мои плечи зеленый плащъ? Гдѣ мои дѣти?

Имперія рыдаетъ:

— Воскресъ Спаситель, и налились почки на деревьяхъ. Гдѣ мои сыновья?

...Больно головѣ. Нѣтъ большо силы. Умереть, умереть! Въ старомъ склепѣ похоронятъ набальзамированный трупъ императора. Еще одна реликвія исторіи, кровавая реликвія. Не все-ли равно мертвецу?

А сѣдой Реймсъ гудитъ своими призранными колоколами. И будто бьютъ молотомъ по больной, пылающей головѣ императора.

Гудятъ реймскіе колокола, поютъ колокольчики Брюгге, и страненъ звонъ ихъ, словно спрашиваютъ они:

— Quo vadis? Quo vadis?

— Боже мой, да развѣ онъ знаетъ, куда онъ идетъ? Онъ старый, больной человекъ, онъ только человекъ, у котораго бредъ и жаръ и которому хочется умереть.

— Quo vadis?

Тысячи звоновъ стучать по черепу и спрашиваютъ и требуютъ отвѣта. А отвѣта нѣтъ.

Полки мертвецовъ, утонувшихъ въ кровавомъ морѣ — развѣ это отвѣтъ?

Маленькіе колокольчики Брюгге нѣжно лепечутъ:

— Жили-были Жанъ и Нинетта. Жили-были. Гдѣ Жанъ и Нинетта?

Императоръ сжалъ руками виски и застоналъ:

— Ей, Господи! Камо уйду отъ лица Твоего?

— Ни-ку-да! — отвѣтили колокола Реймса.

— Жили-были... Жили-были, — продолжали пѣть колокольчики Брюгге.

Кто-то склонился надъ императоромъ, кто-то нерѣшительно топчется на мѣстѣ, звеня шпорами.

Императоръ слушаетъ его съ закрытыми глазами. Этотъ человѣкъ въ шпорахъ говоритъ, будто кто-то воскресъ. Кто? Реймсъ? Брюгге? Полки?

Ага! Императоръ понялъ: воскресъ и Реймсъ и Брюгге и мертвецы—воскресли въ Немъ, въ Его безмѣрной любви. А онъ, императоръ, не воскреснетъ никогда. Никогда!

— Ваше величество, — говоритъ адъютантъ. — Что съ вами, ваше величество?

Кто это — величество? Это онъ, больной и старый человѣкъ, это его такъ зовутъ? Какая ложь!

Императоръ открываетъ глаза.

— На всемъ фронтѣ завязался бой, ваше величество, — говоритъ адъютантъ, — главнокомандующій просилъ доложить вамъ, что сыны имперіи горятъ жаждой побѣдить или умереть.

„Какая фальшивая ложь!“ — думаетъ императоръ. — „А развѣ ложь бываетъ не фальшивая?“

И вслухъ спрашиваетъ.

Гдѣ это недавно звонили колокола, другъ мой?

— Это звонили ко всенощной, ваше величество.

— Гдѣ? Въ Реймсѣ? Въ Брюгге? Гдѣ?

— Въ мѣстномъ абатствѣ, ваше величество.

— Такъ. Значить...

Императоръ не сказалъ, что это значить. Онъ взглянулъ на небо. Оно было блѣдно-розовое, и еще ярче горѣла на немъ звѣзда.

— Ваше величество, — сказалъ адъютантъ, — офицеры будутъ осчастливлены вашимъ присутствіемъ...

Императоръ не далъ договорить адъютанту. Онъ махнулъ рукою и поморщился. Онъ хотѣлъ бы сказать этому офицеру, что его величество такой же человѣкъ, какъ всѣ, что онъ боленъ, что ему страшно, что ему

хочется биться головою о стѣну отъ тоскливаго ужаса. Но развѣ онъ пойметъ его?

— Хорошо,—сказалъ императоръ.—Только велите подать мнѣ стаканъ крѣпкаго вина. Пойдите. Какъ вы думаете: мертвецы воскресаютъ?

Адъютантъ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ, который означалъ: какъ угодно вашему величеству.

Императоръ нахмурился и, ударивъ рукой по скамейкѣ, простоналъ:

— О, какъ мнѣ больно!

Потомъ, взявъ себя въ руки, почти спокойно приказалъ адъютанту.

— Уходите прочь! И знайте: мертвецы не воскреснутъ. Да!

